

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА «ДУХОВНОСТЬ-НРАВСТВЕННОСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ

Н. П. Хватаева¹

*¹Глазовский государственный инженерно-педагогический университет
имени В. Г. Короленко, Глазов, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья представляет собой результат анализа сложного двухъядерного концепта «духовность-нравственность» в дискурсе учебного текста по педагогике. Целью данного исследования было рассмотрение динамики модели концепта для педагогического дискурса XX века, включающей базовые для него понятийные признаки. Сами по себе понятия «духовность» и «нравственность» настолько сложны и неоднозначны, что педагоги неоднократно вынуждены были переосмысливать их и менять содержание воспитания подрастающих поколений.

Материалы и методы. Для более точного определения понятий «духовность» и «нравственность» был использован метод концептуального анализа. Применение концептологического анализа позволило разработать систему понятийных признаков для каждого из ядерных понятий.

Результаты исследования. В основу структуры концепта положены пять понятийных признаков, характерных для обоих ядерных понятий: идеальность, комплексность, достижимость, социальная и индивидуальная обусловленность. Полученная модель была применена к текстам учебников по педагогике дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Во всех случаях установлено ее неполное соотношение с исходной языковой формой. В дореволюционный период структура концепта лишена двухъядерности, понятие «духовность» имеет сложную структуру и индивидуально обусловлено, возможность его полной реализации скорее отрицается, вербальных признаков его зависимости от общественных установок в тексте не обнаружено, не в полной мере реализован признак идеальности. Реализация концепта в тексте учебника середины XX века выглядит слишком идеализировано. Конструирование абсолютно новой коммунистической морали позволяло представить актуальное понимание концепта «широкими мазками», выразить убежденность неопитов в реальности воплощения эталона настоящего коммуниста средствами советского воспитания. Предлагаемая современными авторами модель не реализует ядро нравственности вообще. Учебник возвращается к одному из исходных представлений о духовности, но с существенными различиями. Во-первых, уравниваются все религиозные представления и исключается доминирование одной из конфессий в процессе духовного воспитания. Во-вторых, слабая социальная обусловленность воспринимается как недостаток, подлежащий устранению. Проведен анализ факторов, сдерживающих полноценную репрезентацию концепта, даны рекомендации по их устранению.

Обсуждение и заключения. Предлагается рассматривать современный запрос на духовно-нравственное воспитание в свете нормальной эволюции концепта, заложенного в его основу. Несмотря на порядок слов в номинирующем словосочетании, ядро нравственности интерпретативно и фундаментально для корректного понимания духовности. Для результативной работы над запросами духовно-нравственного воспитания личности рекомендуем организовать практическую работу последовательно, с поступательным и постепенным становлением сначала нравственных ценностей, а потом уже духовных. Базовыми принципами такой работы следует сделать те понятийные признаки, которые регулярно и полноценно реализуются в каждом из ядер концепта.

Ключевые слова: концепт, духовность, нравственность, концептологический анализ, учебник педагогики, двухъядерная модель, понятийные признаки

Для цитирования: Хватаева Н. П. Развитие концепта «духовность-нравственность» в отечественном педагогическом образовании последнего столетия // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 2. С. 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-2-3.

DEVELOPMENT OF “SACREDNESS-MORALITY” CONCEPT IN RUSSIAN PEDAGOGICAL EDUCATION OF THE LAST CENTURY

N. P. Khvataeva¹

*¹Glazov State Engineering and Pedagogical University by V.G. Korolenko,
Glazov, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The article is the result of analyzing complex dual-core concept of “Sacredness and Morality” in the discourse of educational text on pedagogy.

Aim and objectives. The purpose of this study is to develop a model of the concept for pedagogical discourse, including its basic conceptual features.

Materials and Methods. Conceptological analysis made it possible to develop a system of conceptual features for each of the nuclear concepts.

Results. The structure of the concept has five conceptual features characteristic of both nuclear concepts: ideality, complexity, achievability, social and individual conditionality. The resulting model was applied to the textbooks on pedagogy of pre-Revolution, Soviet and post-Soviet periods. In all cases, it established incomplete relationship with the original linguistic form. In pre-Revolution period, concept structure did not expose two cores, sacredness concept had a complex structure and is individually conditioned, possibility of its full implementation was rather denied, verbal signs of its dependence on social attitudes were not found in the text, and sign of ideality was not fully realized. The implementation of concept in the textbook of mid-twentieth century looked too idealized. The construction of an absolutely new communist morality made it possible to present current understanding of the concept in “broad strokes”, to express the neophytes’ conviction in reality of embodying standard of a true communist through the means of Soviet education. The model proposed by modern authors did not implement core of morality in general. The textbook returns to one of original ideas about sacredness, but with significant differences.

Firstly, it equalized all religious ideas and excluded dominance of one confession in education process. Secondly, it perceived weak social conditioning as a shortcoming that must have been eliminated.

Discussion and Conclusions. Analysis of the factors limiting full concept representation lead to recommendations for their elimination. We propose to consider modern request for sacred and moral education in light of normal evolution of the concept underlying it. Despite the words order in nominating phrase, morality core is interpretive and fundamental for a correct understanding of sacredness. For effective work on needs of moral education, we recommend organizing practical work consistently, with progressive and gradual formation of first moral values, and then sacred ones. The basic principles of such work should be those conceptual features that are regularly and fully implemented in each of concept cores.

Keywords: concept, sacredness, morality, conceptological analysis, pedagogy textbook, dual-core model, conceptual features

For citation: Khvataeva N. P. Development of “sacredness-morality” concept in Russian pedagogical education of the last century // Vestnik of Minin University. 2024. Vol. 12, no. 2. P. 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-2-3.

Введение

Современная политическая ситуация, девестернизация педагогической науки и суверенизация образования объективно требуют самого внимательного отношения к системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Традиционными в Указе Президента РФ (от 9 ноября 2022 г. № 809) [20] названы жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Однако простое перечисление не даёт надёжных ориентиров ни теоретикам, ни практикам в их педагогической деятельности. Требуется более тщательный и сложный анализ предлагаемых терминов для адекватного их понимания и употребления в жизни. А в научном тексте крайне важно соблюдать однозначность употребляемых терминов. Сами по себе понятия «духовность» и «нравственность» настолько сложны и неоднозначны, что педагоги неоднократно вынуждены были переосмысливать их и менять содержание воспитания подрастающих поколений. Менялась политическая ситуация, общественный запрос, ценностная парадигма и соответственно, при неизменной целевой установке на формирование духовно-нравственной личности, менялось содержание этой дефиниции.

Таким образом, цель исследования заключается в представлении сложного концепта «духовность-нравственность» в виде модели и анализе наполняемости этой модели в разные периоды XX века. Для исследования репрезентации модели выбран дискурс учебников педагогики для вузов, так как именно они представляют собою дидактически и методически переработанный срез актуального состояния педагогической мысли.

Обзор литературы

Современные исследования по теории и динамике концепта опираются на обширную методологическую базу. Концепт как объект исследования интегрирует в себе знания нескольких наук, а как термин широко используется в ряде гуманитарных дисциплин: когнитивной лингвистике, психологии, культурологии и смежных с ними областях. Становление теории концепта стало возможным благодаря работам таких ученых, как Н. Д. Арутюнова, А. Вержбицкая, Е. С. Кубрякова, С. Х. Ляпин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и других. Основоположником отечественного концептуализма считается С. А. Аскольдов-Алексеев, который еще в 20-е годы прошлого века разработал теорию концепта как мысленного образования, сходного с понятием. Однако расцвет концептологии начался в России в конце XX века с работ Д. С. Лихачева. Дискуссия вокруг концепта привела к актуализации изучения концептологической структуры текста и в настоящее время имеет своим результатом формирование концептологического подхода как продуктивного аналитического инструмента при исследовании текста любой направленности.

Историки педагогики (М. В. Богуславский, И. Д. Лельчицкий, А. Н. Шевелев), изучая общие закономерности развития педагогической науки и образования постоянно обращают внимание на содержание специальных терминов и понятий, актуальность которых диктуется внешними и внутренними условиями развития науки. Принято выделять несколько направлений в изучении развития понятийного аппарата педагогики. Ряд ученых (В. С. Безрукова, Е. Христова и другие) исследуют становление понятий и терминов различных отраслей педагогической науки. Формирование педагогической терминологии в рамках развития педагогической теории и практики стало объектом интереса таких исследователей, как Р. Б. Вендровская, И. М. Кантор, И. К. Карапетян, И. В. Кичева, А. Н. Рыжов, А. И. Уман. Объем и содержание педагогических понятий разных периодов находятся в центре внимания исследователей (Л. И. Атлантова, А. П. Булкин, Р. М. Тагиева и др.).

Таким образом, данная работа опирается, с одной стороны, на разработки концептологического подхода к интерпретации и анализу текста, в данном случае педагогического, а с другой, на сложившуюся традицию диахронического подхода к исследованию фундаментальных категориальных понятий педагогики.

Материалы и методы

Для более точного определения понятий «духовность» и «нравственность» используем метод концептуального анализа. Теория концепта, появившись в когнитологии, стала центральной для когнитивной лингвистики. Оставляя за рамками данной работы полемику о концепте как объекте исследовательского интереса, согласимся с Ю. С. Степановым, что концепт представляет из себя отпечаток, слепок, сгусток культуры в сознании; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, посредством чего формируется менталитет и с чьей помощью человек входит в мир культуры и может влиять на нее [19].

Для изучения динамики структуры концепта «духовность-нравственность» представляется целесообразным обратиться к методологии М. В. Пименовой [13], адаптировав ее для целей ретроспективного исследования. Кемеровская школа концептуальных исследований под руководством Марины Владимировны разработала пошаговый алгоритм концептологического анализа, который был применен дважды

к рассматриваемому концепту ввиду его двухъядерности. Работа предполагала следующие этапы: выбор ключевого слова – репрезентанта концепта; исследование этимологии слова-репрезентанта концепта – выявление мотивирующих признаков; выявление понятийных признаков на основе анализа словарных дефиниций; определение категориальных признаков, описание символических признаков; описание стереотипов, свойственных той или иной лингвокультуре; обработка, анализ и описание результатов; сбор фактического языкового материала в рамках определённых временных границ относительно создания речевых произведений; анализ фактического материала на предмет определения образных концептуальных признаков; сопоставление фактических данных с установленной структурой концепта, корректировка его признаков.

Результаты исследования

Концепт «духовность-нравственность» по своей структуре изначально сложен, так как очевидно обладает двумя самостоятельными ядрами «духовность» и «нравственность», что позволяет сначала произвести анализ отдельно для каждого из них.

Первичным репрезентантом понятия «духовность» в русском языке является корень «дух». Этимологически это общеславянское существительное «*duchъ*» индоевропейской природы, имеющее огромное количество дериватов. Древнерусское «*духъ*» со значением «воздух, дыхание, ветер» пришло в язык в XI веке и быстро приобрело несколько новых значений: «разум», «нравственная сторона человека», «душа» и «сверхъестественное бестелесное существо» [23]. Также этот корень стал очень продуктивной основой для словообразования и сформировал производные разных частей речи: дохнуть, дышать, духовный, духовой, душный, духота, душить [16]. Сопоставительный анализ семантической эволюции корня в славянских и германских языках позволяет выделить два доминирующих значения: «душа, бестелесное существо, бог», и «животное, живое, обладающее душой» [22]. В основе такого почти антонимичного разделения значений лежит все же единое представление о необходимости чего-то сверхматериального для жизни. В самом прямом смысле в языке зафиксировано понятие дыхания как процесса, обеспечивающего жизнедеятельность. Поскольку из всех физиологических процессов этот был наименее наблюдаем, не имел какого-то понятного материального воплощения, скоро сформировалось «дух, душа» как неощутимая, но обязательная составляющая жизни. В дальнейшем при мифологизированном познании мира сложилось представление о духе как частице бога, как акте творения живого из неживого.

Спектр употребления корня «дух» в современном русском языке позволяет констатировать, что оба изначальных доминирующих значения оказались продуктивными для развития и расширения семантики. Однако следует признать, что сема «живое, животное» оказалась менее востребована. Анализ словарных дефиниций позволяет выделить два значения на ее основе: «дыхание» (перевести дух, передышка), «запах, аромат» (русский дух, с душком) [4]. Эти денотаты объединяет возможность некоего материального, физического ощущения. Даже при их трудной уловимости и измеряемости – все же здесь речь идет о вполне реальных объектах.

Сема «душа, бестелесное существо, бог» сформировала целое семантическое древо. К ее производным можно отнести:

– нематериальное и по религиозным представлениям сверхъестественное, божественное начало в человеке; душа, обязательное условие жизни (испустить дух – умереть);

- состояние души, настроение (быть не в духе);
- моральная сила, готовность к действию (сильный духом человек);
- мироощущение, мировоззрение (дух противоречия);
- характерные черты, основные свойства, сущность чего-либо (в духе закона);
- сознание, ум, мышление, психические способности (в здоровом теле здоровый дух);
- бесплотное сверхъестественное существо (добрый дух, нечистый дух);
- одна из ипостасей Бога в христианстве (Святой Дух) [21].

Одним из ярко выраженных понятийный признаков всех этих денотатов является нематериальность, неизмеримость и невозможность физического восприятия.

Распространение христианства привело к лидирующему пониманию духа и духовного как свойственного сначала Богу, а впоследствии и церковной организации. Именно в рамках Православного мировоззрения сложилось существующее понимание концепта духа, духовного и духовности в русской лингвокультуре [10]. Несмотря на широкую традицию употребления корня «дух» относительно церковной обрядовости (духовенство, духовный пастырь, на духу), изначальные христианские основы духовности гораздо глубже. Так, например, Н. М. Дмитриева справедливо отмечает, что её источником является сама жертва Христа, которая стала нравственным архетипом сознания и поведения человека [5, с. 85-87]. Так был ознаменован переход человека в качественно иное состояние, связанное с раскрытием в нем «богочеловеческого» начала, что в свою очередь делает приоритетной ценностью возрастание духовности человека, стремление к моральному самосовершенствованию, подчинению низших стремлений Высшей безусловной цели. Христианство не просто предложило нравственный эталон, оно наложило персональную ответственность на каждого верующего за собственный духовный рост, за целенаправленное сопоставление и коррекцию своего поведения и образа мыслей с предлагаемым эталоном [11]. Христианская доктрина полагает достижение духовного идеала невозможным, но видит глубокий смысл в самостоятельной и сознательной попытке человека стремиться к этому идеалу.

Таким образом, концепт «духовность» восходит к понятию «дух» в значении неосязаемое, но обязательное условие жизни. Продуктивными мотивирующими признаками его развития в русской лингвокультуре стали нематериальность и божественное происхождение. Денотативное значение противопоставления физическому, материальному, а также мирскому и плотскому привели к коннотациям с высоким, святым, сильным, необъяснимым, а впоследствии – с недостижимым. И, наконец, влияние православной традиции на язык и мировоззрение народа закрепили в числе понятийных признаков духовности нравственный эталон и моральный долг каждого человека сделать все возможное, чтоб его достичь.

Вторым ядром рассматриваемого концепта является понятие «нравственность», которое восходит к репрезентанту «нрав».

Корень «нрав» заимствован от старославянского «нравъ», реконструируемого до праславянского «погвѣ». В древнерусском языке в простонародной речи ему соответствовала форма «норовъ» [22]. Она в свою очередь представляет собой вариант распространенного в германских и славянских языках корня, являющегося основой глаголов со значением

«упрямиться», «сердиться», «гневить», «гневаться». Общая отрицательная семантика была утрачена при переходе в разряд существительных, и уже номинатив соотносился просто с особенностями поведения человека, чертами характера, реже – привычками [16].

В современном русском языке «нрав» обладает двумя ярко выраженными семами [4, 21]:

- характер, душевный уклад, совокупность психических свойств (крутой нрав, кроткий нрав);
- обычаи, общераспространенные привычки, уклад общественной жизни (чужие нравы).

Общим понятийным признаком здесь является понятие совокупности, сложной структуры, целой системы поведения.

Прилагательное «нравственный», как показывает дифиницальный анализ, все же в первую очередь несет в себе значение общественного уклада: соблюдающий нормы общественного поведения, требования морали (нравственный человек) [12]; основанный на нормах общественного поведения, требованиях морали (нравственные правила) [13]. Даже взаимоопределение понятий «нравственный» и «моральный» косвенно подтверждает этот вывод, так как мораль (от лат. *moralitas*) – это термин, введенный Цицероном, обозначающий общепринятые традиции. Однако и сема «внутреннего, личного» не была утрачена при формировании прилагательного. В структуре семантики исследователи регулярно фиксируют значение: относящийся к внутренней, духовной жизни человека (нравственный подъем) [18]. Следует отметить, что и в виде адектива корень не теряет понятийный признак комплексности правил.

Итак, концепт «нравственности» берет свое начало от понятия характера человека, но его мотивирующим и понятийным признаком является сложность и социальная обусловленность. В русской лингвокультурной традиции нравственность воспринимается как обязательная, транслируемая и достижимая форма поведения.

В ходе анализа нельзя не отметить частое взаимоопределение понятий: объяснение сущности духовности делается с привлечением прилагательного «нравственный» и наоборот, что говорит о сращении их семантики и тенденции к синонимичности значений в современной языковой культуре. Также общим понятийным признаком является сложившаяся положительная коннотация обоих концептов. Однако некоторая иерархия в отношениях между этими концептами все-таки просматривается. «Духовный» – более совершенный, высокий, идеальный, чем «нравственный». Если еще отметить абсолютную светскость «нравственности», социальный источник заложенных в ней эталонов, их бесспорную достижимость для всех желающих и даже изменяемость во времени, то разница между понятиями становится очевидна.

Все вышесказанное позволяет структурировать двухъядерный концепт «духовность-нравственность». Его модель представлена на рисунке 1.

В основу структуры концепта положены пять понятийных признаков, характерных для обоих ядерных понятий. Проведенный этимологический и дефиниционный анализ показал, что пересечение семантики понятий происходит именно по данным признакам. Каждое из понятий обладает широкой структурой сем, представленных в той или иной степени в зависимости от контекста. Однако при объединении в одну двухъядерную структуру необходимо выделить ряд общих понятийных признаков, так как в противном случае мы не можем утверждать наличие сращения семантики в один сложный концепт. Такой синтез оставляет за рамками ряд периферийных значений, свойственных каждому из

понятий по отдельности (например, «дух – бестелесное существо»), но позволяет объединить их в единый концепт, обладающий собственным полем признаков, представленных в каждом из ядер.

Рисунок 1 – Модель структуры концепта «духовность-нравственность»

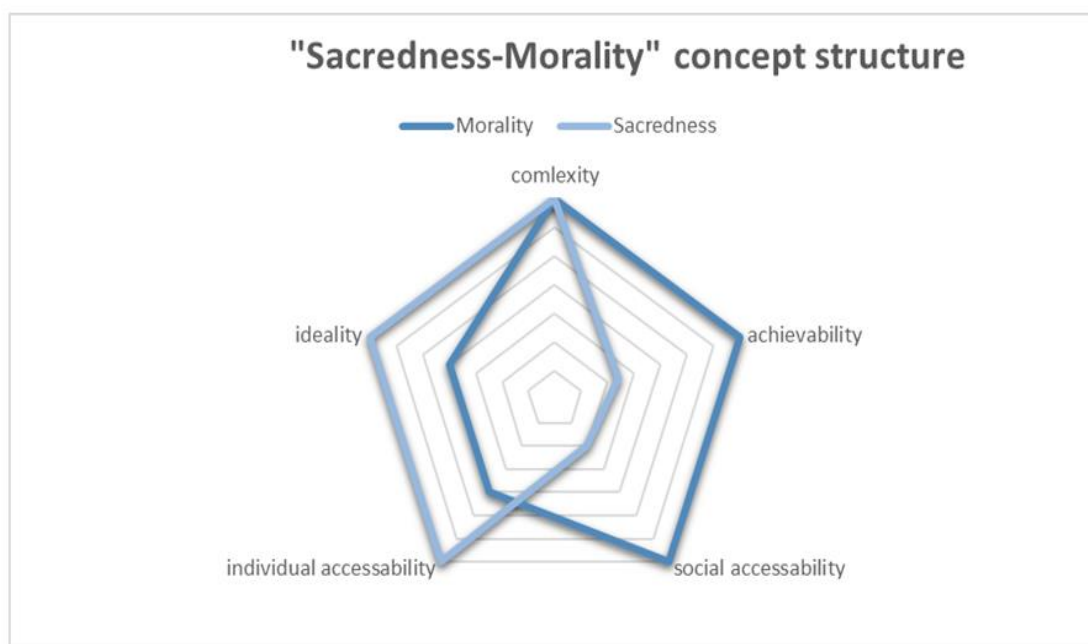

Figure 1 – Model of "Sacredness-Morality" concept structure

Поле ядра «нравственность» более широкое. В полной мере оно реализует такие понятийные признаки, как комплексность – сложная система норм и правил поведения; достижимость – бесспорная реализуемость этих правил и норм; социальная обусловленность – соответствие образа жизни требованиям конкретного общества в конкретный момент. Частично реализованы признаки индивидуальной обусловленности и идеальности. Признавая, что нравственное поведение является результатом личного решения и самоконтроля, все же нельзя отрицать социальную природу нравственности, только наличие

общественных договорённостей является основанием для оценки действий и мыслей человека. Признак идеальности как наличия абсолютного эталона также представлен лишь отчасти, так как нравственный идеал сильно подвержен изменениям в зависимости от политических, исторических, религиозных и других факторов. Не отрицая его наличия, все же невозможно констатировать аксиоматичность этого эталона.

Для ядра «духовность» характерны признаки комплексности, идеальности и индивидуальной обусловленности. Как и нравственность, духовность реализуется через сложную и иерархичную систему норм. Именно в рамках этого концепта предлагается неоспоримый поведенческий архетип. И в приоритете находится личное решение человека о духовном развитии, его внутренняя ответственность за следование идеалу. В гораздо меньшей степени духовность обусловлена социально, однако совсем отрицать наличие этого признака невозможно, так как время и место рождения человека помещают его в определенную принятую обществом систему идей и представлений о духовности. И конкретно в русской лингвокультуре, которая долгое время находилась под влиянием Православной традиции, признак достижимости выражен крайне слабо, ввиду христианского понимания духовного эталона.

Для отслеживания эволюции концепта в отечественной педагогической мысли следующий этап анализа – сбор фактического материала – проводился на тестах учебников по педагогике для профессионального образования XX века. Анализ опирался на типичные учебные издания для четырех этапов, которые были выделены на основе общепринятой в историко-педагогической науке периодизации – дореволюционный, довоенный, послевоенный и постсоветский этапы [1].

Педагогика как наука и как учебный предмет изучается в системе высшего и среднего профессионального образования. Учебники по педагогике разных авторов и разных лет предлагают определённый ракурс на науку, который представляет собою дидактически и методически переработанный срез актуального состояния педагогической мысли [7]. На их содержание оказывают влияние не только авторские предпочтения, но и комплекс факторов: политических, экономических, социальных, культурных, общенаучных и собственно педагогических; поэтому любой учебник по педагогике, выбранный практически случайно, будет точно соответствовать «духу времени». Это и даёт нам право на случайную выборку учебника рассматриваемого периода.

Самым ранним исследуемым текстом стали «Записки по педагогике, применительно к программе педагогики в женских гимназиях, институтах и других средних учебных заведениях» 1912 года, составленные начальником Санкт-Петербургских гимназий Иваном Васильевичем Скворцовым [17]. Учебник содержит главу «Духовное воспитание». Однако уже в первом абзаце автор даёт понять, что корни «дух-» и «душ-» являются синонимами в данном случае. Концепт «нравственность» автором вообще не вводился. Подобную терминологическую ротацию следует воспринимать спокойно, отдавая дань эпохе публикации учебника и традиции научной педагогической речи того времени. Таким образом, в центре контекстуального анализа стоит существительное «душа» и ряд синонимичных словосочетаний с однокоренным прилагательным, которые регулярно используются для номинации объекта: «душевная жизнь», «душевная деятельность», «душевное явление».

Контекстуально в тексте эксплицируется три понятийных признака изучаемого концепта. Автор прямо говорит о сложности и структурированности явления, которое называет «душевная деятельность». В качестве элементов этой структуры он выделяет

«проявления» или «стороны», для описания которых регулярно использует прилагательные «нераздельный», «разносторонний», «взаимосвязанный», существительные «взаимодействие», «взаимосвязь», «разнообразие» и словосочетания «тесные связи», «полная гармония». Семантика всех представленных выше лексических средств дает полное основание считать признак комплексности ярко выраженным и очевидным.

Средствами авторской модальности признак достижимости представлен как сомнительный. Наибольшую частотность демонстрирует отрицание в нескольких грамматических формах: в сказуемом («не существует»), модальных глаголах («не может быть»), в наречиях («не одновременно»). Количество негативных предложений в контексте объекта описания – более половины, что дает право считать общее авторское отношение возможности реализации признака ниже средней вероятности.

Антонимичные в какой-то степени признаки индивидуальной и социальной обусловленности могут найти свое выражение в разных языковых единицах. Следует отметить высокую долю репрезентации возвратности в тексте: в лексике (самосознание, самонаблюдение), в грамматике глагола (кажутся, рассматриваются), в синтаксисе (замечать в себе). Совокупность всех уровней экспликации возвратности позволяет довести долю объема ее использования в контексте до 25 %, что вместе с введенным в текст термином «самонаблюдение» как почти единственным методом познания объекта, по мнению автора, позволяет утверждать высокую степень индивидуальной обусловленности концепта в ущерб социальной, которая не нашла достоверных способов презентации среди использованных языковых средств.

Повторимся, что упомянутые выше три понятийных признака – комплексность, достижимость и индивидуальная обусловленность – находят свои средства экспликации в тексте, тогда как понятие идеальности напрямую автором не выражено и требует изучения интертекстуальных связей и подтекста [9]. В этой связи следует отметить следующие смысловые соотношения. Во-первых, автор не привносит христианского понимания духа, души и духовности в систему своих образов. Отмечая наличие у человека души и душевных явлений как не вызывающих сомнений, он очевидно лишает эти понятия любого религиозного содержания. Соответствующая лексика или образность в повествовании отсутствует. Во-вторых, описание или объяснение душевных феноменов проводится автором через противопоставление с предложениями, где субъект – физическая, телесная реалья. Устойчивая антитеза «душеное – физическое» в повествовании имеет целью раскрытие сути ненаблюдаемых внутренних явлений через осязаемые внешние по аналогии. При этом автор неоднократно подчеркивает, что душевные явления более высокого порядка. И, в-третьих, контекст наполнен существительными и глаголами мыслительной деятельности, чувственного восприятия и желания, которые воспринимаются как конструкт личности человека и ее идеальных характеристик.

Таким образом, по понятийным признакам возможно сконструировать модель исследуемого концепта для учебно-педагогического текста И. В. Скворцова (рисунок 2).

Структура концепта лишена двухъядерности, так как понятие «нравственность» в тексте отсутствует. Понятие «духовность» имеет сложную структуру и индивидуально обусловлено, что выражено языковыми средствами напрямую; возможность его полной реализации скорее отрицается автором; вербальных признаков его зависимости от общественных установок в тексте не обнаружено; семантическими средствами передано авторское отношение к ядерному понятию как к объекту надфизическому, более высокому и

совершенному, чем телесные проявления, но без апелляции к эталону в системе текстовых значений нельзя говорить о полной реализации признака идеальности.

Рисунок 2 – Модель структуры концепта «духовность-нравственность» для учебника 1912 года под редакцией И. В. Скворцова

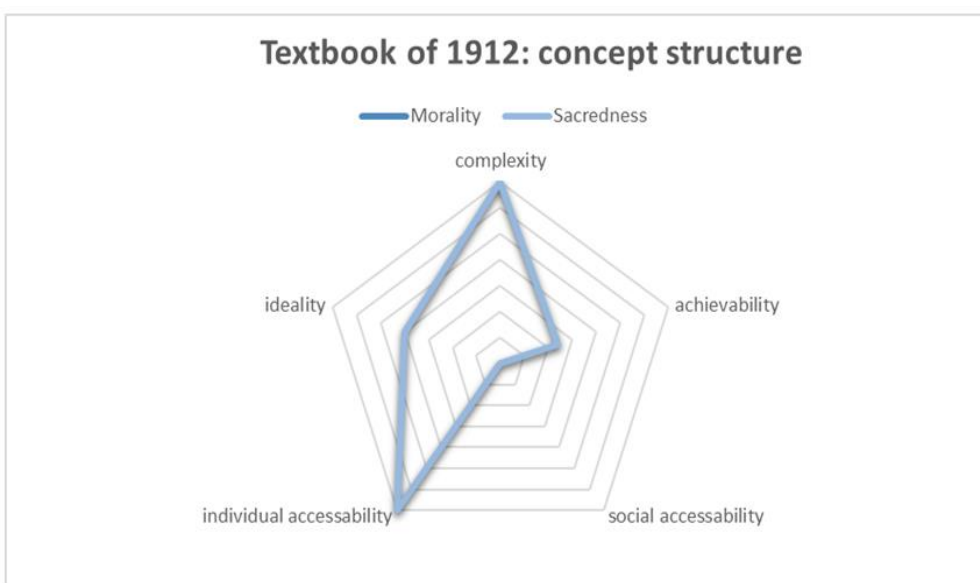

Figure 2 – Model of “Sacredness-Morality” concept structure for the textbook of 1912, ed. I. V. Skvortsov

Советский этап учебно-методической литературы представлен учебным пособием для педагогических высших учебных заведений и университетов под редакцией профессора И. А. Каирова «Педагогика» [12]. Издание было выпущено в 1948 году, и оно в полной мере отражает все основные педагогические представления того периода.

Следует отметить, что автор не использует корни «дух-» или «душ-», успешно оперируя словосочетанием «коммунистическая мораль». Как говорилось выше, изначально семантика слова «мораль» ближе к терминам «нравственность» и «этикет». Однако в рамках данного текста коммунистическая мораль имеет все признаки концепта «духовность», так как речь не идет о правилах поведения или социальных нормах. Напротив, рассуждения

автора сосредоточены вокруг внутреннего мира воспитуемого, высоких идеалов, мировоззренческих и поведенческих эталонов. Синонимично смыслу, вложенному в понятие «коммунистическая мораль», в тексте используются дериваты корня «нрав-», присваивая себе всё те же концептуальные признаки духовности. Таким образом, говорить о двухъядерности концепта в данном случае некорректно, скорее, наблюдается сращение ядерных смыслов пары «духовность-нравственность», а речевое выражение их через лексемы «коммунистическая мораль» и «коммунистическая нравственность» можно отнести к терминологической практике эпохи [15].

Контекст вполне определенно реализует три понятийных признака: комплексность, достижимость, идеальность.

Комплексность в первую очередь эксплицируется автором путем организации разделов, посвященных конкретным компонентам воспитания коммунистической морали – цель, методы, содержание и т.д., что дает основание расценивать текст как системное описание. Помимо этого, контекстуальный анализ позволяет определить высокую фреквентность прилагательных с соответствующим значением: систематический, разнообразный, всесторонний, многосторонний, многоступенчатый, поступательный и т.д. Все они несут в себе семы как структурности описываемого, так и сложности взаимосвязей внутри этой структуры. Частотность адъектов с подобной семантикой составляет около 10 %, что является достаточно высоким показателем. В связи с этим авторское понимание интегративности концепта считаем вполне очевидным.

Достижимость выражена средствами авторской модальности совершенно ясно, если не сказать категорично. Преобладание модальных глаголов со значением долженствования (должен, обязан) нередко сопровождается и генерализующими наречиями, усиливающими безусловность выводов автора (однозначно, всегда, безусловно). Кроме того, более половины предложений составлены с использованием синтаксической конструкции *S – это P*, где субъект и предикат выражены одной частью речи (...воспитывать у молодёжи подлинный гуманизм – это значит воспитывать у неё и чувство ненависти к угнетателям и угнетению, гнев и ненависть к поработителям...). Гипериспользование категорических суждений говорит об отсутствии сомнений автора в реализации описываемых им стандартов воспитания.

Одновременно обилие таких категорических суждений в предикативных структурах лишает возможности двоякого толкования предложения, что в свою очередь является экспликацией признака идеальности. На текстовом уровне этот признак выражен частым – не менее, чем дважды в каждом разделе учебника – обращением к цитатам партийных лидеров и идеологов коммунизма. Выдержки из трудов Ленина, Сталина, Жданова и т.д. обширны, догматичны и не подлежат критике. Они выполняют функцию «священных текстов» и содержат нравственные эталоны и архетипы, обсуждение которых возможно только в ключе поиска способов воплощения и реализации заложенных в них идей. На уровне лексики стоит обратить внимание на широкое употребление автором абстрактных существительных для обозначения содержания воспитания (патриотизм, героизм, любовь, труд). Все они не сопровождаются пояснениями или определениями и предполагаются по умолчанию понятными для читателя. Добавим к этому чрезмерную склонность автора к атрибутивам с семой «превосходной характеристики» (высокий, героический, благородный, идеальный), используемым в 75 % случаев от общего количества прилагательных контекста, и наличие идеала в модели концепта перестанет вызывать сомнения.

На наш взгляд, наиболее неожиданной является полная реализация, казалось бы, взаимоисключающих признаков социальной и индивидуальной обусловленности. Помимо эксплуатации мнения признанных идеологических авторитетов, второй формой аргументации обязательности идеала является обращение к общественной норме эпохи. Автор оперирует такими обобщающими понятиями, как «советский народ», «люди», «коллектив», «наш народ», «Советская страна» и т.д., предлагая социальное одобрение поведения как доказательство его эталонности. С другой стороны, не менее часто в качестве оценки результатов воспитания автор обращается к чувствам самих воспитанников. Критерием успешности педагогического воздействия называется сформированное внутреннее ощущение усвоения характерных ценностей советского общества и эпохи. Именно субъективное переживание сопричастности великой миссии народа, имманентная необходимость постоянной аутентификации мыслей, чувств и поведения с коммунистическими идеалами транслируется как показатель сложившейся личности.

Таким образом, по понятийным признакам возможно сконструировать модель исследуемого концепта для учебно-педагогического текста И. А. Каирова (рисунок 3).

В целом реализация концепта в тексте учебника первой половины XX века выглядит слишком идеализировано и поэтому нереалистично. Если структурированность является нейтральной характеристикой, не вызывающей споров, то остальные признаки находятся в отношениях некоторой антитезы. Так, наличие непререкаемого идеала подразумевает его утопичность и требует постоянного совершенствования в попытке его достичь. Основным регулятором мыслей, чувств и действий человека может выступать либо его внутренняя мотивация, либо внешняя. Их постоянное смешение рано или поздно приведёт к личностному конфликту. Однако конструирование абсолютно новой коммунистической морали позволяло представить актуальное понимание концепта «широкими мазками». В употреблении абстрактных собирательных существительных, превосходных прилагательных, категоричных суждений, свойственных автору, читается убежденность неопитов в реальности воплощения эталона настоящего коммуниста средствами советского воспитания.

Рисунок 3 – Модель структуры концепта «духовность-нравственность» для учебника 1948 года под редакцией И. А. Каирова

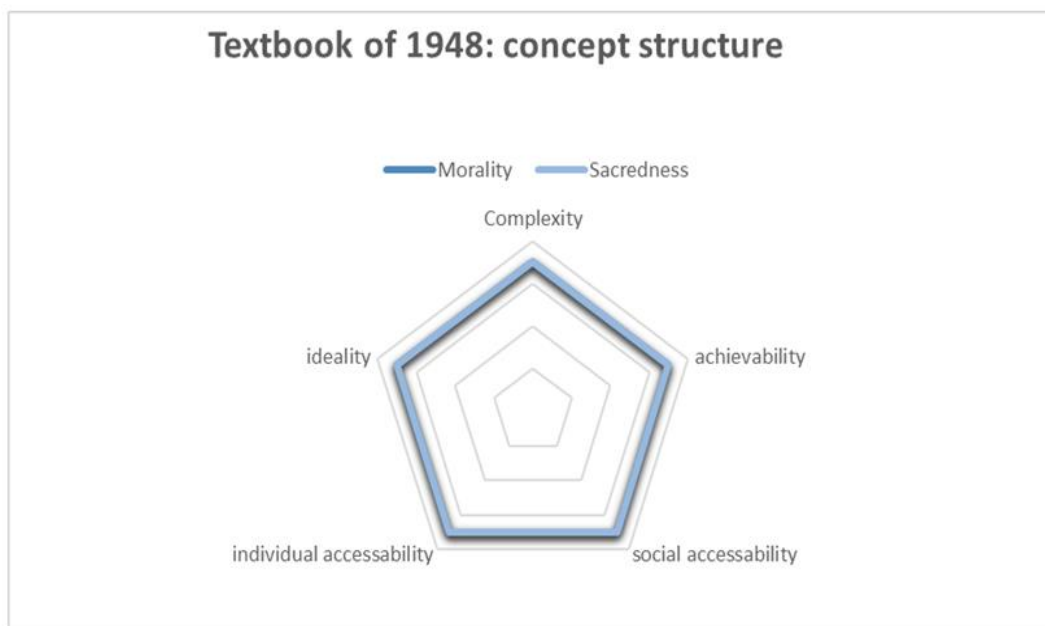

Figure 3 – Model of “Sacredness-Morality” concept structure for the textbook of 1948, ed. I. A. Kairov

Развитие педагогической мысли на постсоветском этапе представлено учебником доктора педагогических наук, профессора Ивана Павловича Подласого «Педагогика» [14], который, как и сто лет назад, содержит отдельный раздел о воспитании духовности. Подобное обращение к дореволюционной терминологии свойственно в целом педагогической мысли рубежа веков и типично для учебников этого времени [8, 3].

Автор возвратил понятию «духовность» религиозный смысл, не настаивая, однако, на его христианском содержании. Разнообразие перечисленных конфессий и философских учений, которые предлагают собственное представление о развитии духа, само по себе указывает на сложность этого концепта. Его структурность также эксплицирована через существительные: схема, время, взаимосвязь, принципы, правила и т.д., которые называют составляющие единого системного денотата.

С другой стороны, интерпретация духовности как религиозного и многоконфессионального явления закономерно делает её практически недостижимой – мало того, что любое вероисповедание предлагает абсолютный идеал, так еще и разные течения представляют этот идеал по-разному. Авторская модальность только подчеркивает семантику маловероятности в составных сказуемых (начинают искать, необходимо организовать, пытаются формировать), определениях (главная трудность, экспериментальные направления), и даже стилистических средствах, например, в риторических вопросах (кто будет учить детей духовности, кто станет ее наглядным носителем, строгим ревнителем и духовным лидером?).

Авторский обзор мировых философских и религиозных учений не мешает ему увидеть в основе каждого эталон мировоззрения и поведения. Он номинирован через ряд абстрактных существительных с определением «духовный»: идеал, источник, центр, истина и т.д. В кратком анализе проявлений духовной жизни от древнего Египта до советского периода отечественной истории показано, что независимо от формы организации идеал является ядром каждой из перечисленных систем. Дополнительно выраженность признака

идеальности подтверждает мысль о необходимости личного примера – духовного лидера, учителя, наставника, который корректирует процесс формирования духовности.

Пара понятийных признаков «индивидуальной – социальной» обусловленности находится в отношениях, близких к исходной модели концепта. Индивидуальные мотивы приоритетны. На лексическом уровне это подтверждается использованием возвратных существительных (самовоспитание, самореализация, самосовершенствование), на текстовом уровне автор оперирует такими глубоко личными понятиями, как «ценности», «долг», «сознание». Однако, в отличие от исходной корреляции, социальное вмешательство представлено как почти утраченная, но необходимая составляющая духовности. Автор не видит общественного института, который брал бы на себя функции формирования и контроля духовной жизни человека. Он предлагает передать их школе, но его программа далека от реализации. Она названа «проект», и все семь ее пунктов выражены глагольными конструкциями со значением долженствования, что говорит о декларативности приложений: нужно вернуться, следует заменить, должен цементировать, должен изучаться, следует проверять, необходимо применить, должен поддерживать и направлять.

Нельзя не отметить, что учебник упоминает и нравственное воспитание. Но этот раздел содержит менее ста слов, что делает его анализ бессмысленным. Скажем только, что он представляет из себя несколько предложений, где в виде однородных косвенных членов перечислены нравственные ценности, подлежащие формированию. Все эти существительные абстрактны и обозначают скорее внутренние качества, чем социальные договоренности: честь, долг, совесть, достоинство, требовательность к себе и т.д. Это позволяет отнести и их тоже к средствам репрезентации духовной составляющей личности.

Таким образом, по понятийным признакам возможно сконструировать модель исследуемого концепта для учебно-педагогического текста И. П. Подласого (рисунок 4).

Рисунок 4 – Модель структуры концепта «духовность-нравственность» для учебника 2006 года И. П. Подласого

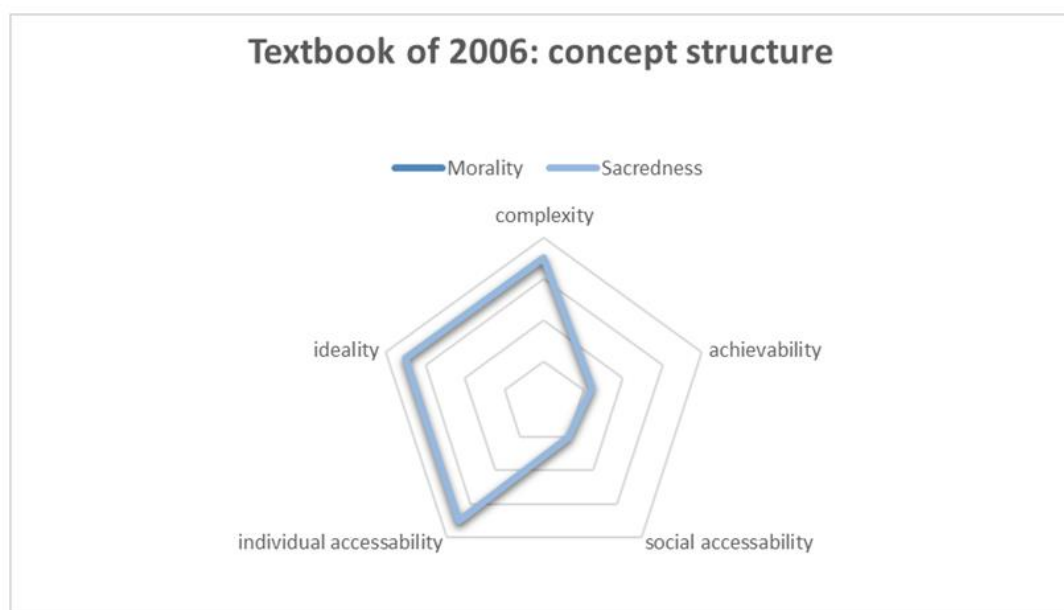

Figure 4 – Model of “Sacredness-Morality” concept structure for the textbook of 2006, ed. I. P. Podlasyi

Учебник XXI века снова не реализует оба ядра исходного концепта. Автор возвращается к одному из исходных представлений о духовности. Но следует отметить два существенных различия. Во-первых, автор уравнивает все религиозные представления и исключает доминирование одной из конфессий в процессе духовного воспитания. Во-вторых, слабая социальная обусловленность воспринимается не как характерный понятийный признак, а как недостаток, подлежащий устранению.

Обсуждение и заключения

Обобщая все вышеизложенное, можно увидеть тенденции, характерные для процесса развития концепта в течение ста лет. Еще раз оговоримся, что анализу были подвергнуты исключительно тексты учебников педагогики. Они представляют собой особым образом конструируемые тексты, отражающие актуальное состояние педагогической науки и практики. Учебник по педагогике, как правило, является действующим для огромного количества будущих педагогов и действующим в течение не одного десятилетия. Вузовские учебники оказывают мощное влияние на профессиональное мировоззрение нескольких поколений педагогов, поэтому их анализ важен для исследования концепта «духовность-нравственность».

Первое, что следует отметить, – это наличие концепта в тексте независимо от эпохи и автора. Размышления о духовности и нравственности представлены в педагогической науке дореволюционного, советского и постсоветского этапов, что говорит об их неизменной актуальности вне дискуссии о религиозной, социальной или просто терминологической составляющей.

Также в качестве универсальной тенденции следует отметить неизменное доминирование ядра «духовность», стремление к его пониманию и поиску методов его развития. Связываем это с тем, что вне социально-политической ситуации в отечественной культуре духовность воспринимается как одно из необходимых и высших проявлений человеческого бытия. При этом сам концепт проставляется педагогам более сложным,

«трудноуловимым», трудноизмеримым, что обеспечивает его приоритет в ходе научного поиска.

В качестве еще одной общей характеристики для обоих семантических ядер отметим естественное развитие концептологических представлений в направлении расширения выраженности его ядерных признаков до максимума. Итогом такой эволюции стало бы полное сращение двух понятий, что, казалось бы, неосуществимо ни с философской, ни с педагогической, ни с лингвистической точки зрения. Однако проведенный анализ показал, что каждое из них стремится вытеснить другое. Это позволяет поднять вопрос о разделении «духовности» и «нравственности» в педагогической теории и практике. Возможно, их автономное рассмотрение приведет к более глубокому пониманию и подскажет новые формы практической работы.

Понимание концепта зависит от политических, исторических и иных экстрапедагогических факторов менее значительно, чем можно предположить на первый взгляд. Даже исторически и политически значимые события, затрагивающие устои системы образования, такие как войны, смена государственности и т.д., не оказывают сильного влияния на его эволюцию. Действительно дестабилизирующим фактором можно считать изменение аксиологической парадигмы, которая сопровождает тот или иной знаменательный период, что и произошло в эпоху революций и формирования советского государства [2]. Но, на наш взгляд, не внешние причины приводят к перелому естественного развития научных представлений о духовности и нравственности, а полное преобразование внутренних убеждений целой нации, её идеологии, принципов, ценностей, сотворение новой картины мира. Любое историческое событие, не повлекшее за собой цивилизационного сдвига, не оказывает существенного вмешательства в концептологическую эволюцию.

Резкая смена мировоззрения, которую пережила Россия в начале XX века, повлекла за собой строительство не только нового государства, но и новой науки революционными методами, и в понимание концепта искусственно и принудительно была заложена его идеальная модель. Эталонная представленность всех понятийных признаков привела к смешению понятий «духовность» и «нравственность», которое усугубилось терминологическими поисками методистов. А искусственно навязанная форма внедрения концепта в теорию образования сделала его нежизнеспособным, недостижимым и непригодным для определения дальнейшей методологии работы.

Постепенное возвращение к естественному ходу развития педагогической мысли позволяет выявить еще одну тенденцию: общественный запрос на формирование нравственности предшествует запросу на духовность. Такие признаки, как достижимость и социальная обусловленность, делают работу по становлению понятия «нравственность» как образовательной цели более измеряемой, доступной для понимания успешности-неуспешности процесса, в то время как индивидуализированность духовного развития, а главное – наличие абсолютного эталона в его основе делают его социальную востребованность вторичной. Серьезный системный подход к духовному воспитанию стал возможен только после решения насущных задач воспитания нравственного. Образно говоря, ребенка сначала учат правильно вести себя за столом, а уже потом поддерживать интересную беседу. Эту закономерность можно увидеть в динамике моделей концепта второй половины XX – начале XXI в. Здесь же отметим, что выстроенные на основе фактического материала модели полностью совпали с изначальной формой, с тем отличием, что живая педагогическая мысль сначала обратилась к нравственности, а потом к духовности, не реализуя двухъядерность. Возвращаясь к заложенному в развитие концепта

стремлению к достижению пределов понятийных признаков, можно прогнозировать сращение ядер и слияние понятийной семантики. Однако на настоящем этапе следует признать тандемную структуру не реализуемой.

По нашему мнению, понимание концепта в педагогической науке эволюционирует от абстрактного эталона, который принимается в качестве идеала результата воспитания, через эмпирический поиск смысла, вкладываемого в понятие «нравственность», затем через такой же поиск для понятия «духовность» к сращению содержания двух понятий в рамках одного концепта. Динамика понятийных признаков и актуальная двусоставная структура в этом ключе видятся как временное состояние концептуальной модели на пути к достижению эталона.

Таким образом, опираясь на результаты проведенного анализа, предлагаем рассматривать современный запрос на духовно-нравственное воспитание в свете нормальной эволюции концепта, заложенного в его основу. Несмотря на порядок слов в номинирующем словосочетании, ядро нравственности интерпретативно и фундаментально для корректного понимания духовности. С одной стороны, нельзя свести нравственность к освоению правил этикета и оставить ее вне поля воспитательной деятельности. С другой, не следует вычеркивать из образовательного процесса духовность, поручая ее религиозным или философским институтам. Равно неприемлемо декларировать преимущество одного понятия над другим и считать, что одно непосредственно и обязательно вытекает из другого. Для результативной работы над запросами духовно-нравственного воспитания личности следует организовать практическую работу последовательно, с поступательным и постепенным становлением сначала нравственных ценностей, а потом уже духовных. Базовыми принципами такой работы необходимо сделать те понятийные признаки, которые регулярно и полноценно реализуются в каждом из ядер концепта. Для нравственности это будет социальный контроль и вера в способность воспитанника успешно освоить все моральные нормы. Для духовности – наличие эталона мышления и поведения и формирование эмпатичного отношения к этому эталону.

В качестве перспективы исследования можно обратиться ещё к текстам нормативных документов о духовно-нравственном воспитании молодёжи, а также к анализу эволюции рассматриваемого концепта в произведениях известных учёных, оказавших влияние на отечественную педагогическую науку.

Список использованных источников

1. Богуславский М. В. История педагогики: методология, теория, персоналии: монография. Москва: ФГНУ ИТИП РАО, Издательский центр ИЭТ, 2012. 434 с.
2. Богуславский М. В. Синергетика и педагогика // Магистр. 1995. № 2. С. 89-95.
3. Голованова Н. Ф. Общая педагогика: учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург: Речь, 2005. 317 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Москва: Олма-Пресс: Красный пролетарий, 2004. 700 с.
5. Дмитриева Н. М. Влияние литературы на развитие духовного мира человека // Искусство образования во втором тысячелетии (Теория. Практика. Педагогические позиции): материалы конференции. Оренбург, 2001. С. 85-87.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.

7. Журавлев В. И. Педагогика в системе наук о человеке. Москва: Педагогика, 1990. 166 с.
8. Краевский В. В. Общие основы педагогики: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
9. Мосолов В. А. Парадигмы воспитания в педагогической мысли России XI – XX вв.: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.06. Санкт-Петербург, 2000. 41 с.
10. Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань: Репринт. изд., 1992. 109 с.
11. Основы христианской православной веры / сост. прот. В. Глиндский. Москва: Паломник, 1994. 287 с.
12. Педагогика: учебное пособие для педагогических высших учебных заведений и университетов / под ред. проф. И. А. Каирова. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1948. 463 с.
13. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2001. 497 с.
14. Подласый И. П. Педагогика: учебник. Москва: Высшее образование, 2006. 540 с.
15. Проблема духовности в наследии светских и православных педагогов и современная школа: тезисы областной научно-практической конференции, 17-18 марта 1996 г. Рязань, 1996. 112 с.
16. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Москва: ЮНБЕС, 2003. 704 с. (Русский язык от А до Я).
17. Скворцов И. В. Записки по педагогике, применительно к программе педагогики в женских гимназиях, институтах и других средних учебных заведениях... Часть 1: Общая педагогика. 16-е изд. Санкт-Петербург: Я. Башмаков и К°, 1912. XVI. 203 с.
18. Словарь русского языка: в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
19. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 2004. 992 с.
20. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 10.02.2024).
21. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. Москва: Дом Славянской книги, 2008. 959 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах: пер. с нем. Russisches etymologisches Wörterbuch / перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. Москва: Астрель – АСТ, 2004. Т. 4. 860 с.
23. Этимологический словарь русского языка / составитель Г. А. Крылов. Санкт-Петербург: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 432 с.

References

1. Boguslavskij M. V. History of pedagogy: methodology, theory, personalities: monograph. Moscow, FGNU ITIP RAO Publ., Izdatel'skij centr IET Publ., 2012. 434 p. (In Russ.)
2. Boguslavskij M. V. Synergetics and pedagogy. *Magistr*, 1995, no. 2. pp. 89-95. (In Russ.)
3. Golovanova N. F. General pedagogy: textbook for universities. St. Petersburg, Rech', 2005. 317p. (In Russ.)

4. Dal' V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: selected articles / combined. ed. V. I. Dahl and I. A. Baudouin de Courtenay. Moscow, Olma-Press: Krasnyj proletarij Publ., 2004. 700 p. (In Russ.)
5. Dmitrieva N. M. The influence of literature on the development of the spiritual world of man. *Iskusstvo obrazovaniya vo vtorom tysyacheletii (Teoriya. Praktika. Pedagogicheskie pozicii): materialy konferencii*. Orenburg, 2001. Pp. 85-87. (In Russ.)
6. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative. Moscow, Russkij yazyk Publ., 2000. (In Russ.)
7. ZHurvayev V. I. Pedagogy in the system of human sciences. Moscow, Pedagogika Publ., 1990. 166 p. (In Russ.)
8. Kraevskij V. V. General fundamentals of pedagogy: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions. Moscow, Publishing center "Academy", 2003. 256 p. (In Russ.)
9. Mosolov V. A. Paradigms of education in the pedagogical thought of Russia in the 11th – 20th centuries: abstract of the dissertation of the doctor of pedagogical sciences: 13.00.06. St. Petersburg, 2000. 41 p. (In Russ.)
10. Nesmelov V. I. Faith and knowledge from the point of view of epistemology. Kazan, Reprint. izd. Publ., 1992. 109 p. (In Russ.)
11. Fundamentals of the Christian Orthodox faith / comp. prot. V. Glinsky. Moscow, Palomnik, 1994. 287 p. (In Russ.)
12. Pedagogy: textbook for pedagogical higher educational institutions and universities / ed. prof. I. A. Kairova. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1948. 463 p. (In Russ.)
13. Pimenova M. V. Concepts of the inner world of a person (Russian-English correspondences): dissertation of doctor of philological sciences: 10.02.01. St. Petersburg, 2001. 497 p. (In Russ.)
14. Podlasj I. P. Pedagogy: textbook. Moscow, Vysshee obrazovanie Publ., 2006. 540 p. (In Russ.)
15. The problem of spirituality in the heritage of secular and Orthodox teachers and modern school: abstracts of the regional scientific and practical conference, March 17-18, 1996. Ryazan, 1996. 112 p. (In Russ.)
16. Semyonov A. V. Etymological dictionary of the Russian language. Moscow, YUNVES Publ., 2003. 704 p. (Russian language from A to Z). (In Russ.)
17. Skvorcov I. V. Notes on pedagogy, in relation to the pedagogy program in women's gymnasiums, institutes and other secondary educational institutions... Part 1: General pedagogy. 16th ed. St. Petersburg, YA. Bashmakov i K° Publ., 1912. XVI. 203 p. (In Russ.)
18. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / ed. A. P. Evgenieva. 4th ed., revised. Moscow, Russkij yazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999/ (In Russ.)
19. Stepanov YU. S. Constants: a dictionary of Russian culture. 3rd ed., rev. and additional Moscow, 2004. 992 p. (In Russ.)
20. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values." Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (accessed: 10.02.2024). (In Russ.)
21. Ushakov D. N. Large explanatory dictionary of the Russian language: modern edition. Moscow, Dom Slavyanskoj knigi Publ., 2008. 959 p. (In Russ.)

22. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes: trans. with him. Russisches etymologisches Wörterbuch / translation and additions by O. N. Trubachev. 4th ed., stereotype. Moscow, Astrel' – AST Publ., 2004. Vol. 4. 860 p. (In Russ.)
23. Etymological dictionary of the Russian language / compiled by G. A. Krylov. St. Petersburg, ООО «Poligrafuslugi» Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)

© Хватаева Н. П., 2024

Информация об авторах

Хватаева Наталия Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В. Г. Короленко, Глазов, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-7451-5654, nataliakhvataeva@yandex.ru

Information about the authors

Khvataeva Natalia P. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Pedagogics and Psychology Department, Glazov State Engineering and Pedagogical University by V. G. Korolenko, Glazov, Russian Federation, ORCID 0000-0001-7451-5654, nataliakhvataeva@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.10.2023

Принята к публикации: 20.06.2024

Опубликована: 28.06.2024